

Dr. Steigmeier

Vampnarr

18+

para vampnar
Дъявородица

«Автор»

2026

vampnar n.

Дьявородица / n. vampnar — «Автор», 2026

Почти полторы тысячи лет назад Господь благословил Марию на чудо — рождение Иисуса. Но с течением веков свет померк, а мир накрыли болезни и войны. В то тёмное для людей время молодая девушка вынуждена носить под сердцем дитя, которому суждено положить конец войнам и людским страданиям.

© vampnar n., 2026

© Автор, 2026

nara vampnar

Дьявородица

Я нашла эту книгу в садовом домике монастыря Святой сестры Шарло. Обложка была чиста, а страницы пусты, остались лишь блеклые следы от чернил на старой и потрёпанной бумаге. Чувствую, что полностью пустая книга попала в мои руки не просто так: наш Господь хочет, чтобы я исповедала свои грехи на бумаге, он хочет помочь спасти мою бrenную душу. Да простит меня, Боже, за всю кровь, что была пролита по вине моей похоти, простодушия и эгоизма. Да упокоятся с миром все те несчастные души, прости меня, Боже! Прости! И спаси меня и мир наш от того, что грядет!

Я убежала в скитания месяц назад, но дьявол поднялся к нашим улицам намного раньше. Это был 1348 год, большие города были погружены в хаос «Черной смерти» и многолетней войны с Францией. Я, моя мать и два моих младших брата с сестрой жили в маленькой отдаленной деревушке на севере Англии. Наш отец ушел на войну пять лет назад, когда смог оправиться от своего недуга, вместе с ним ушел и наш старший брат Никола. После их ухода от них не поступило ни единой весточки. Матушка все еще ждала брата с отцом и иногда оплакивала их по ночам, когда думала, что все мы спим, но это не так. По ночам я сбегала из дома к дубу у озера, каждую ночь меня ждал там мой милый. Мы виделись с ним только после захода солнца и разбегались, как только подступал рассвет, днем мы ни разу не пересекались, он говорил, что страшится за меня и не желает окутывать меня позором на всю нашу деревню. Я верила в его заботу и не перечила его просьбе. Каждую ночь он соблазнял и искушал меня на страшный грех. Прости меня, Боже, но я поддавалась ему каждый раз, лежа на мягкой траве под величественным и столь красочным, как он сам дубом. Он не назвал мне своего имени, говорил, что время для этого еще не пришло, но я ждала и верила, что настанет день, когда мой избранный откроет мне каждый закуток своей души. Расстраивало меня это лишь потому, что, не зная его имени, я не могла нашептывать его перед сном в наших общих с братьями и сестрами покоях. Смотря на него при свете луны, я продолжала поражаться тому, насколько красивыми могут быть люди, эту красоту не описать словами, внешность человека просто не может быть настолько идеальна. Когда я уставала от нашей страсти, мы лежали под дубом и я любовалась его белоснежной гладкой кожей, отражающей лунные лучи, белокуроыми и нежными как шелк волосами, лазурными, как небо, глазами и покусанными мною пухлыми губами. Мне искренне нравилось думать, что это один из твоих воинов спустился ко мне с небес! Мы разговаривали обо всем на свете ночи напролёт, а с первыми утренними сумерками он провожал меня до ворот моего дома и пропадал среди лесных стволов до следующего заката.

Однажды матушка прознала про мои ночные похождения. Маленькая Марфа, моя сестра, заметила, что я пропадаю по ночам, и в одну из них проследила за мной. А увидев меня и моего милого вместе в очередной прилив нашей страсти, она тут же сорвалась и побежала к матушке, испугавшись за судьбу моей души.

— Развратница! Грешница! Блудница! — повторяла мать снова и снова, пока избивала меня хворостом для печи, — Чтобы отец на такое сказал? Кто же тебя замуж такую возьмет, а? — она била и плакала одновременно, плакала по моей душе и душам давно ушедших отца и брата.

— Нет-нет! Не хочу замуж, хочу к нему! И силой не пойду, не заставишь!

— А вот и заставлю! — Она кинула хворост на пол и схватила меня за локоть, — Молись! Молись до изнеможения! Вымаливай прощение за свой грех! — Она поволокла меня до угла за печью и оставила там, — Молись, чтобы нашелся достойный мужчина, что примет тебя такую грязную погань! — И она ушла в другую комнату, хлопнув дверь. Иногда ко мне заглядывала

Марфа, каждый раз она смотрела на меня с жалостью и болью, говорила, что боится, что я попаду в ад после смерти, что ты, Боже, меня не простишь. Но мне было плевать, я хотела лишь одного — убежать, убежать как можно дальше от них всех к своему любимому.

Но я не успела. Рано утром матушка собралась и ушла из дома. Мы прождали ее несколько часов. Братья смотрели на меня с осуждением, а Марфа тихо плакала, играясь с деревянными фигурками. Когда матушка вернулась в дом, она тут же кинулась ко мне и потащила в свои покои. Она долго копалась в сундуке с одеждой, прежде чем достать оттуда длинный узорчатый сарафан.

— Вот, милая, я сшила его по молодости, когда меня собирались сватать с твоим отцом, — она подошла сзади и начала развязывать шнурки моего корсета. Раздев меня до нижнего белья, она помогла залезть мне в сарафан и завязать его. После этого она долго и усердно пыталась заплести мне косу, по несколько раз расплетая ее и начиная процесс заново.

— Ну вот! — радостно вскрикнула она, разводя руки в стороны, пока осматривала меня, — Настоящая красавица! Пойдем-пойдем! — мы спустились вниз, к выходу, где на пороге уже стоял мужчина в дорогих тканях, чистый и выглаженный. На вид он был явно старше меня в несколько раз.

— Анна, — торжественно произнесла матушка, — это Генрих! Он торговец! Причем весьма успешный! — льстила она ему.

— Дорогая Анна, — обратился он ко мне, — вы так прекрасны! Позвольте пройтись с вами вдоль такого же, как вы, прекрасного озера! — Он чуть наклонился, протянув мне руку. Матушка чуть подтолкнула меня в спину, и, поддавшись давлению, я ответила на его приглашение.

Мы медленно прогуливались вдоль берега озера, несколько уточек кружили на воде на противоположной стороне от нас, а плакучие ивы спускали свои ветви все ниже и ниже к воде, стараясь скрыть свои голые стволы.

— Вам не жарко, Анна? — начал разговор мужчина. — Солнце этой весной довольно безжалостно к нам, но зато какую красоту оно нам преподносит! Вы только посмотрите на солнечные блики на воде!

— И то верно... — пробубнила я, собираясь с мыслями, было сложно думать о чем-то, кроме наших ночных встреч у этого озера, вдоль которого мы с моим будущим женихом сейчас прогуливались, — Генрих... Неужели вам совсем не страшно ездить по стране? Черная болезнь и война окутывают наши земли уже много лет...

— Ха! Ну что вы, Анна! — гордо проговорил он. — Мужчине стыдно такого бояться! Да и к тому же, если на город, в который я еду, проникают французы, я узнаю об этом в первые же часы разгрома. У любого опытного торговца есть множество связей, а чума... В городах я всегда появляюсь, так скажем... снаряженным. Как-то выторговал у одного доктора костюм, в котором не одна болезнь не страшна! И теперь спокойно могу передвигаться по городам, не боясь черного недуга!

— Вот оно как... Вы очень храбры... — Генрих что-то говорил еще, явно восхваляя свои достижения, но взор мой не мог оторваться от воды. Мысленно я была с ним, с любимым. Странное чувство окутало меня, заставляя поднять свой взгляд к противоположному берегу, где стоял он. Силуэт стоял вдалеке, прячась за деревьями и скрываясь в их тени. Сложно было понять, кто это и даже какого пола таинственный силуэт, но я была точно уверена: это был он! Мой любимый! Он следил за мной, наблюдал, как я гуляю с другим. Сердце мое разрывалось от боли и счастья одновременно. Мне хотелось сорваться и кинуться к нему, но я не могла... Генрих продолжал что-то говорить, уводя меня от озера, уводя от него.

Через несколько дней наших прогулок Генрих объявил о своем намерении взять меня в жены. Матушка была на седьмом небе от счастья, братья и Марфа также разделяли ее восторг.

Иногда я приходила к озеру одна, не ночью, а днем. По ночам меня сторожили братья, чтобы я снова не сбежала к нему, а днем, когда он не появлялся, я пыталась искать его в нашем лесу за озером, могла бродить по нему часами среди плотно стоящих друг к другу стволов, которые будто намеренно не пропускали меня вперед, растопырив свои ветви, цепляясь за мою одежду и царапая мою кожу. Может быть, поэтому я так и не смогла его найти...

Свадьба моя была пышная и дорогая. Эль плескался в кружках, хмельные девушки кружились в танцах, а музыканты распевали одну песню за другой. Вся моя семья плясала в толпе гостей, как и мой суженый, что кружился в танце от одной девицы к другой. Я не ела, не пила, не танцевала, я ничего не хотела делать, для меня это был настоящий траур. Время от времени ко мне подходили разные люди, возможно среди них была и моя родня или мой суженый, но я не различала их лиц и голосов, они все смешались в одну мутную тягучую кашу в моей голове, в которой тонули кусочки воспоминаний его лица, его голоса, его прикосновений ко мне. Я понимала, что дала клятву перед тобой, Боже. Я понимала, что Генрих теперь мой единственный и должен оставаться таковым вплоть до последнего моего вздоха, иначе моей душе придется столкнуться с муками вечного ада, пока брненное грешное тело будет гнить под землей.

Брачной ночи... не было. Добравшись до покоев, Генрих не произнес ни одного из тех сладостных слов, которыми он одаривал меня во время каждой нашей прогулки. Он грубо и безжалостно сорвал с меня свадебный наряд и повалил на перины. Его старая толстая туша, от которой до тошноты в горле несло перегаром, навалилась на меня, придавив к постели и перекрыв воздух в груди, а в тот момент, когда Генрих должен был овладеть мной, он повалился на спину, перекрутился и выпустил наружу все то количество эля, которое выпил во время празднования. В этой же грязной и позорной позе он уснул, моментально, будто его отрубили. Я не стала его будить. Я лишь тихо поднялась с постели и на цыпочках прошлась по комнате. Я знала, что за дверью наших покоев стоят несколько сватов, жаждущих услышать наши звуки соития, дабы подтвердить совершение брачного договора и окончательный этап твоего ритуала. Я подобрала с пола свою рубаху и одним взмахом накинула ее на себя. Подойдя к окну, я раскрыла ставни и взглянула на полную яркую луну на небе. Луна... такая красивая и загадочная, она кажется столь близкой, лишь протяни руку и вот... но на деле она находится так далеко от всех нас, от всех кроме тебя, Господа Бога нашего. Вдруг лунный свет начал набирать силу и с каждой секундой становится всё ярче. Я никогда прежде не видала и не слыхала о подобном явлении, оттого мне стало страшно, очень-очень страшно. Отойдя в сторону от окна и спрятавшись за массивным деревянным шкафом, я наблюдала за тем, как луч лунного света становится настолько ослепительно ярким, что лишает возможности видеть противоположную часть комнаты. В этом свете я начинаю различать силуэт, такой знакомый и такой родной силуэт любимого мне мужчины. Луна начала возвращаться в прежнее состояние, отчего пришедший вместе с ней свет начал медленно рассеиваться, позволяя мне в полной красе увидеть милого мне человека. Он стоял у окна, и взор его был четко направлен на меня, но в нем не было привычной нежности ко мне, лишь холодная решительность.

— Милый, — прошептал мой дрожащий голос, пока сердце сжималось от боли разлуки, — я не переставал грезить тобой, пролила по тебе столько слез... — Руки мои потянулись к его лицу, но он перехватил их и грубо прижал меня к себе.

— Мое имя — Асмодей, и в день, когда ты искренне меня полюбила, мы смогли зачать ребенка, — В его словах и прикосновениях не было и доли всей той любви, которой он одаривал меня, — Это начало нового света, переворот вселенной, тебе выпала великая честь стать прародительницей, потомки нового человечества будут слагать песни о тебе, твоя память будет жить вечно, а плод твой поведет за собой армию чистейших, очищая мир от божьей грязи! — он произносил это с гордостью, сжимая мои плечи все сильнее и сильнее.

Руки мои охладели, а по телу разливалось липкое чувство страха. Я смотрела на него, и пелена спадала с моих глаз. Все те идеальные черты лица и пропорции восхитительного тела оказались лишь дряхлой оболочкой с резкими острыми концами, с темной кожей и мерзкими тонкими рожками.

Его когтистые лапы отпустили меня. Я задрожала. Меня переполняли страх и отвращение к нему. Я начала понимать, что последний месяц я сношалась с гадким рогатым бесом, что смог одурманить и обмануть мой разум. Вдруг мое тело пронзила резкая сильная боль, а к горлу подкатил комок тошноты. Боль затуманила мой взгляд и лишила слуха. Я упала на пол, хватаясь за живот, пока по ногам стекала вязкая теплая жидкость. Подступающая рвота жгла мое горло изнутри, и, не выдержав, я выблювала всю ту массу на пол. Жидкость, что вышла из моего рта, прожгла пол, от чего тот слегка задымился. Амодей пропал, вместе с ним пропала и боль. Опустив взгляд, я увидела свою рубаху, перепачканную в крови. Задрав ткань до своей груди, я поняла, что кровь вытекала из моих женских мест, но ее было в десять раз больше той, что текла у нас с матушкой каждый месяц. Сзади заворочался Генрих, бормоча что-то в подушку. Быстро задрав свою рубаху вниз, я схватила кувшин воды с прикроватного столика и вылила холодную жидкость на дымящийся пол, а после пулей метнулась к шкафу, закапываясь в вещи своего мужа. Генрих начал подниматься, продолжая мычать неразборчивые фразы, пока я накидывала на себя длинный темный плащ, который мужчина одевал в долгие поездки между поселениями. У кровати стояли кожаные сапоги мужа. Они были настолько велики, что я смогла запрыгнуть в оба всего одним рывком. До приходящего в себя Генриха начало доходить происходящее вокруг. Он привстал и потянул свои руки ко мне, пытаясь ухватиться за край плаща, но потерянная ориентация в пространстве подвела его, и, запутавшись в одеяле, он смачно грохнулся на пол, измазавшись в моей смешанной с водой рвоте. Грязный и позорный, он осыпал меня скверными словами и отчитывал, как муж супругу, но мне было все равно: я была обречена на тот позор, что был в разы ужаснее того, в котором оказался он. Где-то за окном загальдели вороны, а в коридоре за дверью засуетились сваты. Вскочив на подоконник, я ухватила за ветку дуба, растущего у окна, и как кошка, изящно и тихо спустилась на землю. Я уже успела скрыться за забором, когда из окна нашей комнаты донеслись крики сватов и плач моей матери. Прости меня, матушка, я спасала тебя, братьев, Марфу и наших потомков от вечного и несмываемого позора, прости меня и живи счастливо, но прошу тебя, не забывая временами вспоминать и плакать обо мне.

Я скрывалась под мостом, что находился на краю нашего города. Кожа дорогих сапог покрылась толстым слоем грязи, отчего они стали неотличимы от дешевых и плохо сшитых ботинок. Перепачканную кровью рубаху я заменила длинным платьем из жесткой и колючей ткани, которое я украла на рынке через несколько дней после своего побега. Плащ же остался неизменным, статный и практичный, его плотная мягкая ткань согревала меня каждую ночь, пока я засыпала на холодной влажной траве. За дни моего скитания поселение погрузилось в настоящий хаос. Нет, не из-за меня. Кто-то из торговцев, что приехали на мою свадьбу с Генрихом, подхватил по пути за собой черную смерть... По слухам, которые приносили людские шепотки, больной торговец скончался через несколько дней после церемонии, но эпидемия уже успела разрастись по улицам. Церковные колокола не умолкали, а деревенские дороги стали покрываться тонким слоем пепла от непотухающего костра больных черной смертью тел.

В начале я пробиралась на местный рынок и подворовывала овощи с самых людных на нем лавок; если погода благоволила, то гул голосов на нем не затихал от рассвета до заката. Сейчас я стояла среди тех торговых лавок, где никто не стоял за прилавками, никто не расхаживал туда-сюда, подбирая себе продукты на сегодняшний ужин или новый платок к своему наряду. Деревянные полки с ящиками были пусты, лишь изредка на них можно было разглядеть подгнившие пищевые объедки. Я стояла в горстке пепла, которую ветер нагнал к моим

ногам, слушая доносившийся со стороны церкви треск огня. Подняв голову, я увидела надвигающиеся на поселение черные тучи, под которыми кружила стайка серых воронов. Мне не хотелось покидать это место, оставлять позади свой дом, но я понимала, что все страдания и смерти поселенцев висят на моей совести, вся вина — на моем греху. Смахнув слезу со своей щеки, я слегка вздернула край своего плаща, сжав его тканью пальцами так, чтобы он походил на маленький кармашек, и, пробежавшись по рынку, подобрала с ящиков и полок пищевые объекты и рванула к темному, окружавшему деревню лесу. Прозвучал первый громовой выстрел. Мое тело вздрогнуло и съежилось, но это не остановило меня: я продолжала пулей нестись в густую чащу, пока сквозь ветви начинали пролетать холодные и тяжелые капли дождя. Я бежала через густые заросли, то и дело цепляясь плащом за тонкие ветки кустарников. Гром доносился уже отовсюду, а с неба водопадом стекала дождевая вода. В какой-то момент я случайно оперлась ногой на промокшее поваленное дерево, поскользнулась на нем и повалилась в грязь, ударившись ногой об тот же самый ствол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.